

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ FICTION

CHAMPAGNE WIDOWS:

First Woman
of Champagne,
Veuve Clicquot

ВДОВЫ
ШАМПАНСКОГО

МАДАМ ПОММЕРИ

первая леди
шампанского

Ребекка
Розенберг

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 663.2.929(44)
ББК 36.87
Р64

Rebecca Rosenberg
Madame Pommeroy: Creator of Brut Champagne
(Champagne Widows Novels)

Перевод с английского Ирины Гиляровой

Дизайн обложки Алексея Коннова

Original English language edition published by Lion Heart Publishing
8537 Sonoma Hwy., Kenwood California 95452, USA. Arranged
via Licensor's Agent: Drop Cap Inc. All rights reserved.

- Розенберг Р.
Р64 Мадам Поммери. Первая леди шампанского брют / Ребекка Розенберг ;
[пер. с англ. И. Н. Гиляровой]. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус,
2025. — 400 с. (*Документальный fiction*).

ISBN 978-5-389-26285-0

Второй роман серии «Вдовы шампанского» предлагает захватывающую картину мужества, гениальности и непоколебимой воли женщины, опередившей свое время. Богатый историческими деталями и прекрасно прорисованными персонажами, роман погружает читателя во Францию середины XIX века, когда общественные ограничения для женщин, Франко-прусская война и доминирование мужчин в сфере производства шампанского проверяют на прочность неукротимую мадам Поммери.

Душевная боль, любовь и потери, вдовство и почти неразрешимые проблемы могли бы заставить мадам Поммери сдаться. Но внутри ее вспыхивает искра, и она создает шампанское брют, не похожее ни на одно другое, — сухое, элитное, бунтующее против сладких традиций.

УДК 663.2.929(44)
ББК 36.87

ISBN 978-5-389-26285-0

- © 2023 Rebecca Rosenberg
- © Гилярова И. Н., перевод на русский язык, 2024
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025
Иностранка®

*Я поднимаю бокал за тех, кто пытается делать нечто,
считающееся невозможным, в том числе за мадам Поммери.*

Одним достается их золото
Литой чеканной монетой,
Другим посмертною славой.
А мне мое золото дайте
Веселыми пузырьками
И смех возьмите на сдачу!

Оливер Херфорд

Я неизбежно попадаю в сложные ситуации, где
общепринятые правила либо не действуют, либо,
хуже того, противоречат друг другу.

Жанна Александрин Луиза Мелен-Паммери

ЧАСТЬ I

1858–1862

Не подражайте никогда и никому, в том числе и себе.

Жанна Александрин Поммери

1

С тяжестью на сердце

Реймс, Шампань, Франция, 1858 год. Если бы не «Этикет для дам», массивный фолиант, придавивший мои колени, я бы уплыла в небо вслед за моим дорогим Луи, который, надеюсь и молюсь, уже стучится сейчас во врата Рая. Восковой труп передо мной — вовсе не мой Луи, он больше не пахнет ланолином после работы с шерстью. Его губы и щеки подкрашены бальзамировщиком и приобрели гротескное сходство с беспутными девицами из борделя «Дворец Альгамбры».

Мой супруг был простым человеком и, несомненно, предпочел бы, чтобы его нетронутое формалином тело лежало в простом сосновом гробу. Зачем я поддаюсь на уговоры Рейнара Вольфа? И вот моего Луи забальзамировали и положили в фешенебельный гроб из орехового капа, отделанный бронзой и оловом.

Вольф, банкир и душеприказчик Луи, воззвал к моему чувству общественного долга.

— Мадам Поммери, вы у нас столп общества. Несомненно, весь Реймс ожидает, что вы подтвердите достоинство Луи Поммери как уважаемого промышленника.

Тоже мне — достоинство! Луи размалеван и накачан, как молочный поросенок в ресторане! Не хватает только яблока во рту.

Нашу двухлетнюю дочку я оставила в детской с ее нянькой Люсиль. Не хочу, чтобы она запомнила своего папочку в таком неестественном виде. При мысли об этом я содрогаюсь, и мадам Дюбуа накрывает мои плечи шалью.

— Мерси. — Я легонько хлопаю ее по руке. Она была рядом со мной каждую минуту с тех пор, как я основала при аббатстве Сен-Реми приют для сирот. Другие дамы, помогающие мне в приюте, что-то бубнят про Луи — каким он был порядочным, верным и добрым — ни разу не упомянули, что он провалил шерстяное производство и винодельню. Я раздала им всем по экземпляру «Этикета для дам». Их слова плывут к потолку вместе с дымом от свечек, а мои пальцы трогают и сжимают подарок Луи на мой прошлогодний день рождения, когда мне стукнуло тридцать девять.

Я-то тогда мечтала и надеялась, что это будут холст и краски, а муж подарил мне шатлен, подвеску на пояс с зажимами.

— Все, что тебе требуется, будет висеть у тебя на поясе. — Он демонстрировал каждый предмет с такой гордостью, что я постаралась скрыть свое разочарование. — Наперсток, часы, ножницы и метр для твоего рукоделия, воронка для твоих масел, карандаш, ключ от кладовой, восковая печать и флакончик с ароматическими солями.

Открыв пробку флакончика, я подношу к носу камфору и вдыхаю едкие пары, пахнущие, как бальзамирующая жидкость.

— Пора, мадам Поммери. — Рейнар Вольф надевает на голову баварскую шляпу, которую привез со своей родины.

Мой сын, тезка Луи, сжимает мне руку. Он точная копия отца — нахмуренный лоб и широкие плечи. В мундире военной школы Луи выглядит солидно, но на его верхней губе выступили капельки пота. Все-таки он еще мальчишка в свои семнадцать лет.

Когда отец Питер накрывает гроб крышкой, я бросаю украдкой последний взгляд на человека, которого на самом деле тут нет.

— Подождите. — Я хватаю розу из вазы и кладу в его сложенные на груди руки, такие холодные на ощупь.

Мой сын помогает Нарциссу Грено надеть шубу. Партнер моего мужа мгновенно постарел. У него трясется голова. Толстые стекла гротескно увеличивают мутноватые старческие глаза. Из нагрудного кармана торчит слуховая трубка.

Остальные мужчины, которые понесут гроб, натягивают меховые перчатки и надевают черные плащи поверх черных траурных фраков. На Анри Васнье, молодом помощнике мужа, та же самая одежда, в какой он ходит каждое воскресенье в церковь. Под длинными бакенбардами я замечаю свежий порез, за ухом следы высохшей мыльной пены. У него нет жены, которая помогла бы ему исправлять такие вещи.

Рейнар Вольф ставит первыми мэра Верле и доктора Дюбуа. Вероятно, чтобы толпа на улице увидела этих достопочтенных мужей в нашей скорбной процессии.

Я вдова, мне запрещено этикетом идти в процессии. Эта горькая пилюля застряла у меня в горле. Мужчины поднимают гроб, я вскакиваю со стула. Увесистый «Этикет для дам» падает мне на ногу. Больно. Я хватаюсь за гроб, и он кренится под моей тяжестью.

— Я хочу пойти на кладбище, — заявляю я, преодолевая боль в ноге.

— Мадам Поммери, вам лучше всех на свете известно, что за катафалком идут только мужчины, — сердито напоминает Вольф. — Не сомневайтесь, месье Поммери будет похоронен достойно, я позабочусь об этом. А вы останетесь с вашими подругами, они составят вам компанию.

Дамы из приюта при Сен-Реми глядят на меня, разинув рот. Они в шоке от моей выходки, потому что никак не ожидали от меня такого нарушения этикета.

Я поворачиваю голову к баварцу.

— Пожалуйста, месье Вольф, я прошу вас. Я должна проводить моего супруга до его могилы.

— Вы должны служить всем образцовым примером, мадам, иначе все ваши уроки этикета окажутся напрасными.

Я скрежещу зубами от досады. Если я не буду жить по правилам, которым учу других, моя независимость будет утрачена.

— Хорошо, я остаюсь.

Мужчины выносят гроб на улицу, и старый Нарцисс Грено кряхтит от усилий. Луи старается ему помочь и взять тяжесть на себя.

Ковыляя следом за ними на больной ноге, я смотрю, как они грузят моего мужа на мрачный катафалк. Из груди вырывается тоскливый стон, и я кусаю сгиб большого пальца.

Приютские дамы окружают меня с жеманными ужимками и притворно хнычут. Процессия трогается с места, лошади в черных пополах поскальзываются на мокром булыжнике. Несмотря на снег, толпы горожан стоят по обеим сторонам улицы. Женщины машут проезжающему мимо них катафалку черными кружевными платочками. За ним, скрипя колесами, следуют по узкой улице дорогие кареты и кабриолеты.

Люсиль, нянька, выносит из дома мою заплаканную дочку.

— Папá? Папá? Где мой папá? — Малышка Луиза топает ко мне на пухлых ножках.

— Простите, мадам. Она все время спрашивает про него. — Люсиль заправляет под шарф темные кудри. Даже с покрытой головой юная красавица-еврейка притягивает к себе недовольные взгляды приютских дам. Огромные глаза, безупречный овал лица и орлиный нос не могут остаться незамеченными, и все же она никогда не козыряет своей красотой.

Луиза утыкается в мою грудь сморщенным красным личиком и завывает. У приютских дам выпячиваются глаза, словно у жаб, и они прикрывают неодобрительные взгляды черными шелковыми веерами.

Внутри меня лопается какая-то пружина.

— Милые дамы, я признательна вам за ваше сочувствие. Вы были для меня большим утешением. — Крепко прижимая к себе дочку, я пробираюсь сквозь их толпу и иду к каретному сараю.

— Этикет бывает коварным, доченька. — Я сажаю ее в кабриолет и привязываю к сиденью. — Ты неизбежно попадаешь в сложные ситуации, где общепринятые правила либо не действуют, либо, хуже того, противоречат друг другу. Когда такое случается, надо действовать по велению сердца. — Схватив вожжи Красавчика, я направляю его в сторону Сен-Реми. Я не допущу, чтобы моего супруга похоронили без меня.

2

Голова в тумане

Когда моя тетка получает от меня известие о безвременной кончине моего супруга, она посылает мне буклет «Заметки об элегантном трауре». Никаких слов сочувствия, никаких соболезнований. Правила коварны, словно волк в овечьем стаде. Я договариваюсь о встрече с Адольфом Юбине, коммерсантом, который торгует тканями и шьет модную одежду.

Юбине бренчит на пианино с такой энергией, что дрожат лепестки поздних роз в вазе, стоящей наверху. Мотивчик веселый, словно воркование сизых голубей в моей купальне для птиц. Юбине управляет модной лавкой брата, а тот взял на себя хлопоты со швейной мастерской. Лавка для меня — святилище с перелистыванием журналов *La Mode*, изысканными тканями, экзотическими перьями, фурнитурой с жемчугом и камнями. Юбине знает, чем соблазнить посетительниц, и они соблазняются и покупают. На конторке он держит толстую тетрадь в кожаном переплете с подробными мерками любой из клиенток, их любимыми расцветками, тонами и стилями, с их днем рождения.

Его узкие плечи вздымаются, а пальцы драматически бьют по клавишам — это финальный аккорд.

— Звучит как Гайдн, — говорю я.

— Вы почти угадали. Это его ученица, Марианна Мартинес. — Далее следует традиционный поцелуй, *la bise*, в обе

щеки, и я вдыхаю его пряный запах ноготков. — Ох, моя драгоценная мадам Поммери, мы были потрясены вашей утратой. Ваша семья была маяком любви для всех нас.

Я плотно сжимаю губы. Каждый раз, встречая знакомых, которых не видела после смерти Луи, я теряю контроль. Конечно, я могу купить одежду, не задыхаясь от горя. Мои пальцы ласкают красочные рулоны тафты, шелка и шерсти, их цвета новые, современные — пурпурный, розовый, синий и желтый. Такие соблазнительные ткани обычно подстегивали мою творческую фантазию. Но сейчас они уже не радуют мой усталый взор.

Юбине наливает мне шампанское; он держит его охлажденным для клиенток. У него неизменно изысканный облик и манеры. Жилет из китайского бархата с подходящими по цвету карманным платком и галстуком. Булавка для галстука из морского ушка и такие же запонки. Рубашка с защипами и костюм «в елочку». На его кожаных ботинках я никогда не замечала уличной пыли.

Ледяная жидкость *чуточек* (как говорила в школе моя подружка) поднимает мне настроение.

— Я взял на себя смелость и заказал для вас платье. Посмотрите, как оно вам? — Он ведет меня в самую большую примерочную. Яркий свет огромной люстры умножается в больших напольных зеркалах, подчеркивая ужасные лиловые мешки у меня под глазами.

— Мне жаль, месье, но я не могу сегодня выносить эти зеркала. Я вижу себя в них такой, какой не хотел бы видеть меня Луи. Мне это неприятно. Он никогда не одобрял, когда я носила черное.

Юбине теребит кончик пышных усов.

— Моя оплошность, мадам. — Он ведет меня в гардеробную с шелковыми абажурами, стенами, обитыми шелковым муаром, и бархатными стульями. И там нет ни одного зеркала.

Брижит, веснушчатая сирота, которую я привела к нему на обучение швейному делу, помогает мне надеть платье. Я всегда так радуюсь, когда мне удастся пристроить в хорошее место какую-нибудь из моих девочек. Лишь на несколько драгоценных мгновений я отвлекаюсь от меланхолии, глядя на элегантные полосы ткани, на лиф с защипами, собранную талию, которую Брижит закалывает повыше, по моей фигуре. Меня ничто не радует после утраты Луи.

Без света и зеркала я не могу ничего сказать, вижу только, что платье темное. Как мое настроение. Как мое будущее.

Брижит отходит на шаг и оценивает свою работу.

— Вам нравится, мадам Поммери? — Ее голос дрожит от неуверенности.

А-а, понятно, это первое сшитое ею платье.

— Работа безупречная, Брижит. — Я разглаживаю лиф, роскошная тафта шуршит под пальцами.

Девушка распаивает дверь, и я выхожу на свет.

— *Magnifique!* Великолепно! — Юбине ахает и целует кончики пальцев.

— Изумительно, мадам Поммери, — говорит Брижит, сцепив ладони в замок.

Я кручусь перед большим зеркалом, свет люстры подчеркивает радужные пурпурные и зеленые отливы ткани. У меня сжимается сердце.

— Не тот цвет, — говорю я. — Платье не годится. Вдова должна носить черное как минимум шесть месяцев.

Юбине вскидывает брови.

— Траурное платье должно носиться в память об ушедших из жизни любимых. Месье Поммери очень не нравилось, когда вы надевали что-то черное, и теперь вы сделаете ему величайший комплимент, одевшись так, как он считал правильным. Он будет доволен, взирая на вас с небес.

— Теперь моему супругу ничего не может нравиться. — В голове пульсирует боль, глаза застилает туман.

Юбине помогает мне сесть на стул, Брижит наливает новую порцию шампанского. Я страшно огорчила бедняжку. Но правила никуда не денутся, а уж правила траурного этикета у нас особенно строгие.

— Вы свободны, Брижит, — говорит Юбине, и девушка возвращается в пошивочную. Он встает передо мной на колени, бледный и виноватый. — Мадам Поммери, я не хотел вас огорчить. Конечно, вы хотите носить черное, и это правильно. Мы начнем шить другое платье, которое отвечает вашему представлению об этикете.

Я пью глоточками шампанское, живые пузырьки успокаивают меня.

— Вы присоединитесь ко мне, месье? Неприлично пить одной.

Юбине наливает шампанское как сомелье — большой палец под дном бутылки, а сама она лежит, как в колыбели, на остальных четырех пальцах.

— *A notre santé*. Будем здоровы. — Он чокается с моим бокалом, и мы пьем.

В моем бокале всплывают пузырьки и лопаются, источая фруктовый аромат.

— Шампанское лечит всякое зло, не так ли? — Пожалуй, я слегка погорячилась с платьем.

— Вы раскрыли мой секрет, мадам. — Юбине накручивает кончик усов на свой мизинец. — Без шампанского я не продал бы ни одного платья.

— Прежде вы жили в Париже? — Я допиваю шампанское, и Юбине подливает мне еще.

— Я торговал там вином, — подтверждает он. — Теперь скучаю по суете большого города.

— А я в Париже оканчивала школу. Потом училась в Англии в университете Святой Марии.

— Теперь мне понятно, — говорит он. — Ваше чувство вкуса превосходит всех в Реймсе. Вероятно, поэтому

я выбрал для вашего платья шелк с отливами. Изысканный, но не очень бросакий. В Париже вы определенно увидели бы вдов в таких платьях.

У меня горят щеки.

— Но ведь я не в Париже, не так ли?

— Я оскорбил вас. — Он вздыхает. — И теперь, когда вы переезжаете в ваш особняк в Шиньи, я понимаю, что это платье совершенно неуместно.

— Кто вам сказал, что я переезжаю? — Мои пальцы нежно гладят аметистовые пуговицы на запястьях.

Он хлопает себя по щеке.

— Кажется, я слышал об этом от месье Вольфа, когда встретил его в «Биргартене». А несколько наших клиенток упоминали, что вы покидаете приют при Сан-Реми и как это огорчит всех девочек, которых вы устроили на работу.

— Я привязана к моему приюту. Если я решу переехать, то ни за что не брошу приют на произвол судьбы.

— Конечно, нет, мадам. Вы посвятили ему жизнь. — Он сопровождает слова легким кивком.

Я возвращаюсь в гардеробную, чтобы переодеться. Пальцы легко скользят по фестончатому краю лифа. Изысканная работа. Жалко отказываться. Вообще-то в платье мне нравится все, особенно радужный отлив, как на павлиньих перьях. И я поворачиваюсь к Юбине.

— Я передумала и возьму платье. Буду носить его дома. Пожалуй, сделайте мне парочку платьев попроще для работы.

— Вы планируете работать? — Он упаковывает мое старое платье.

— Я жду, когда Вольф уладит дела с наследством. — Я фыркаю. — Но похоже, что мне придется как-то поддерживать семью. Мысль об этом меня тревожит.

— Я готов вложить свои деньги в любое дело, которым вы займетесь, мадам Поммери. — Он кладет старое платье в картонку и перевязывает лентой цвета индиго. — Я на-

блюдал, как вы основали приют, как обучали воспитанниц приличному ремеслу и даже как с нуля придумали ваш особняк в Шиньи.

— Как любезно, что вы поэтично лакируете мои таланты, но мой сад с розами и коллекция бабочек не приносят денег. — Взяв картонку, я бросаю взгляд в большое зеркало на новое платье, и у меня захватывает дыхание. — Платье просто чудо, месье.

— Это отражение женщины, которая его носит, мадам. — Он провожает меня к двери.

— Пожалуйста, передайте Брижит мои комплименты. — Я выхожу на оживленную улицу, и мне чуточку жаль покидать тепло его уютного салона.

* * *

Я стою на перроне вокзала, и у меня сжимается сердце от близкой разлуки с сыном. Кажется, Луи не терпится уехать, хотя мы, на мой взгляд, мало поговорили с ним о его отце, не поделились всем, чем могли бы. Паровоз выпускает пар и дрожит от переполняющей его жизненной энергии.

— Хорошо, что ты возвращаешься к учебе, — говорю я. — Твой отец так гордился тем, что ты поступил в академию.

Он покачивает на руках маленькую Луизу и поет:

— Le train, чу-чу-чу. Паровозик чу-чу-чу.

— Тю-тю-тю! — подпевает она и дергает за кисточку на его шако¹ и хихикает. — Тю-тю-тю!

Луи был дома в последние недели, и это стало для меня причиной вставать по утрам с постели. За завтраком всегда было шумно. Сын высказывал непрерываемое мнение насчет

¹ Шако — военный головной убор, вид кивера, обычно меньшего размера, по форме напоминающий кепи. Имеет твердую фетровую тулью и твердое донышко. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

РОЗЕНБЕРГ РЕБЕККА
МАДАМ ПОММЕРИ
ПЕРВАЯ ЛЕДИ ШАМΠΑНСКОГО БРЮТ
Документальный fiction

Редактор *А. Мотина*
Выпускающий редактор *Т. Маслова*
Технический редактор *Л. Синицына*
Корректоры *О. Ануфриева, В. Алексина*
Компьютерная верстка *Е. Днирова*

Подписано в печать / Баспаға кол қойылды 26.12.2024.
Формат 60 × 88 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Caslon». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,5. Тираж 2000 экз. О-DCF-35268-01-R. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» – обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА® 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ – ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
--	--

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
---	---

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

